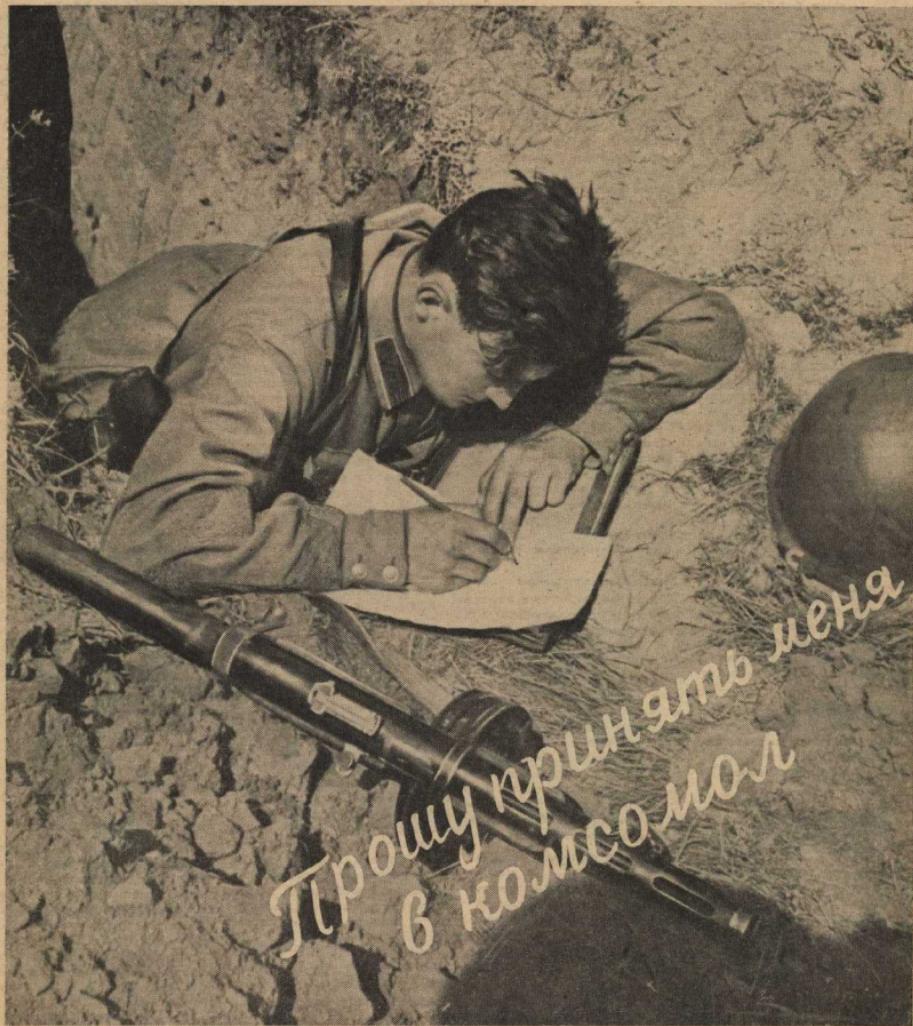

СМЕНА

№
МАРТ
1943г.

ЭКСУРНАЛ ЦК ВЛКСМ • ИЗД-ВО „ПРАВДА“

«Мне хотелось написать про Зою,
Так, чтоб ты не знал пути назад.
Потому что все её отвага,
Устремлённый в будущее взгляд,
Шаг к победе,

может быть, пол шага,
Но вперёд,
вперёд, а не назад.
Шаг к победе —

это очень много.
Оглянись, подумай в свой черд
И ответь отважно и строго,
Сделай ли ты этот шаг вперёд.

Это к тебе, товарищ, ко всем
твоим смертникам и друзьям обращает свои слова Маргарита Алигер, автор удостоенной Сталинской премии поэмы «Зоя».

«Чтобы чудесная зона сила,
Как вдохновение, тебя носила,
Стала бы примесью крови твоей.
Чтобы, когда ты становишься большею,
Сердцем горячим, верной душою
Ты показала, что помнишь о ней».

Вот она, «московская школкоцца-длинноножка», тоинская девочка в стареньком платье, в чинёных туфлях. Так же, как и тысячи других юношей и девушек, Зоя, волнившись, сдаёт экзамены, грустит, рассорившись с подругами, прятается с любовью моих книжек в саду, хлопочет по хозяйству. Она может избрать себе только судьбу, любое счастье.

«Столица перестала кровати лягать,
Шума и сидёлок не жалит.
Этажерка красне с каждой книжкой,
С каждым переплётём веселей.
Скучи давнейши как не бывало!
Стало быть, и вывод будет прост:
Человеку нужно очень мало,
Чтобы счастье стало в полный рост».

Но полно, счастье ли это? Достойна ли такая скромная участница молодого человека наших дней, исполненного свежих сил и горячих мечтаний, человека, перед которым родина открыла все пути?

«Девочка, а что такое счастье?
Разве разобраться мы с тобой?
Может, это значит—двери настежь,
В ветер окунуться с головой?
Чтобы хвойный мир колола нащупу
И горна на вку, —
и чтобы ты

В небо поднялась —
— чего уж проще! б! —
А потом спустилась с высоты».

Нет, счастье молодого человека нашего времени не в узком, личном благополучии:

«Нам для счастья нужно очень много.
Маленького счастья не возмём.
Горы на пути — второмир горы,
Вычерпав прики и мора.
Вырастай таким счастью в пору,
Девочка богатая моя».

Твоя совесть

3. КЕДРИНА

С этими словами обращается автор к тебе, товарищ, потому что каждый советский молодой человек может стать таким, как она. Зоя набрала себе высокий и трудный путь. И величие её состоит прежде всего в том, что она еще в ранней юности сумела увидеть мир таким, как он есть, «как всей своей сущности трезвой и яркой», вступила на путь большой правды, которая назначена Ленинским и Сталиным.

Зоя посвящает всю себя служению этой правде — пионерской правде, комсомольской правде, большевистской правде. А для этого надо прежде всего стать стурманом и требовательным к себе, надо многому научиться, многое познать. И вот она составляет длинный список непротёченых книг: «Народы», «Люди», «День прошлого и настоящего» наполняют жизнь Зои. Она знает, что должна

«Благодариться в судьбы их и лица,
Видеть им невидимую нить.
У одних чему-то научиться
И других чему-то научить.
Научить чему-то».

Но почему же?

Примо в душу каждому взглянула,
Всех проверить, всем раздать
оружье,

Всех построить и отправить в путь».

Именно это оппонение к жизни и безграничной преданности своей идеи делают Зою такой несгибаемо сильной.

Зоя смогла совершить свой высокий подвиг потому, что всем складом своей, с виду совсем обикновенной жизни, всем storem своихriegslogий и привычек она подготовила себя к борьбе за большевистскую правду. Война не заставила её врасплох, хотя и для неё «всё изменилось», всё иначе, ей никто не знает, как! Ясно одно: начались драки, более вражеских жизней, для которой ей предпримущество было только подготовкой.

«Мы жили настолько свободно
и вольно,
Не помни о том, что бывает иначе,
Что иногда забывали небывало,
Что мы комсомольцы и что это
значит».

И вот настолько премы оправдать высокое звание комсомольца. Нынче всё, чем мы жили: и детство, и школа, и родной дом, — всё в опас-

тить, если Зоя отныне неотделима от каждого из нас; если в ней воспламенятся твои лучшие черты, твои засланные мечты, твоя совесть, слава и чистота! Какая русская женщина не почувствует себя матерью Зои? Какая девушка не опустят в себе силу идти по её стопам? Какой юноша-воин не пойдёт мстить за неё, как за свою собственную убитую врагами невесту? Он будетискать боли, чтобы найти убийцу нашей Зои.

«Русский воин,

юноша, одетый
В справедливую шинель бойца,
Ты обязан помнить все приметы
Этого звериного лица.

Ты его преследовал обязан,
Как бы он не отступал назад,
Чтоб твоей рукой было наказан
Гитлеровской армии солдат,
Чтобы он привонял, умирал,
На снегу кровавой зоне следа».

Это твой долг, молодой боец наступающей Красной Армии.

«Но постой, постой, ведь я не знаю
Всех его отличий и примет.
Малого ль, большого ль был он
роста?

Черномазый,
рыжий ли?

Бог весть.
Я не знаю.

Как же быть?
А просто —

Бей любого!

Это он и есть».

«И покуда собственной рукой
Ты его не свалишь наповал,
Я хочу, чтоб счастья и покоя
Воспалённым сердцем ты не знала.
И ты, девушка-школьница, и ты,
ученица ремесленного училища, ты,
молодой рабочий тыла, — все, мы
не должны знать покоя, пока не смо-
жем сказать самому неумолимому
судье — своей совести: и сделай шаг
к победе!

«Близкие,
товарищи,
соседи —

Все, кого проверила война,
Если в каждый сделал шаг
к победе.

Как бы к нам приближалася она!»

Помни же, товарищ, что победа не приходит сама: победу надо создать своими руками, сменятьировать свою кровлю. Если ты будешь помнить о том, что никто не вымект победу за тебя, если ты будешь проверять свою жизнь и свою борьбу жизнь и борьба Зои и тысячи таких, как Зои, мы сохраним дорогие человеческие жизни и приближим час победы, как приближил его Зои.

А как же иначе можем мы отве-

СМЕНА

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

№ 6 март 1943 г.

Год издания XX • Издательство «Правда»

В НОМЕРЕ: ПЕРЕДОВАЯ — Всегда он будет призывом гордым. З. КЕДРИНА — Твоя совесть. Н. С. ЛЕСКОВ — Железная воля. К. ДОРОХОВ — Из фронтового альбома художника. Л. ЛЕРОВ — Воздушные следопыты. В. ИОРДАНСКИЙ — Вожак. Л. ЗАСЛАВСКИЙ — Немцы — колонизаторы. А. МАЛЫШКО — Катерина (стихи). Ф. СПИВАК — Вот она, артиллерия! Е. ФЕДОРОВ — Гайка багажа. ПЕРЕЧИНЬСКАЯ ПУШКИНА: стихи о снеге. НА ВОЙНЕ. РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ СОЛДАТ. ЗАМЕТКИ О КНИГАХ. Н. ЖДАНОВ — Суворовская «Наука побеждать».

ВСЕГДА ОН БУДЕТ ПРИЗЫВОМ ГОРДЫМ

Незадолго перед своей смертью Горький напечатал статью «Пролетарская инициатива», в которой писал:

«Фашизм прежде всего — ничем не прикрыт, циническое истребление революционного, но безоруженного пролетариата одиличавшими, но вооруженными хозяевами капиталистами. Затем фашизм — отрицание культуры, проповедь войны, крик обессиленного о желании быть сильным».

«Мыслем ли мы право инициативы этих одиличавших, неизлечимых дегенераторов — выродков человечества, эту безответственную международную шайку язвных преступников, которые насквозь прогубруют натравить свой «народ» и на государство строящегося социализма?

Подлинный, искренний революционер Советских Социалистических Республик не может не носить в себе сознательной, актной, героической инициативы к подлому врагу своему. Наше право на инициативу к нему достаточно хорошо обосновано и оправдано».

Мы с особой силой повторяем эти пророческие слова Алексея Максимовича в дни, когда весь мир отмечает сорокасемилетие великого русского писателя.

Уже в то время эти слова были сказанны в 1935 году — гениальный художник слова, пламенный борец за народное дело, Горький предсказывал наше будущее фантастических орд на нашу страну. Уже тогда, почти десять лет назад, Алексей Максимович учил нашу молодёжь инициативе к врагу. Не страх перед лицом силой современных варваров говорила устами писателя. Нет! Горький слишком хорошо знал свою народ. Горький лучше, чем кто-нибудь другой, понимал, что когда настанет пора величайшего испытания, инициативу к врагу окхватят все наши люди, от мала до велика. И эта горячая, спротивленная инициатива будет той могучей силой, которую не перебороть даже самому страшному врагу.

Его нет с нами сегодня, в суровую пору смертельной борьбы с немцами. Но если бы жив был Горький, он убедился бы, как глубоко пао семя, брошенное им, какие могучие всходы дало оно.

Горький был гуманистом. Горький радовался каждому новому кирпичу, который мы кладем из строки нашего величественного и светлого здания.

«Я хотел — и хочу — видеть всех людей героями труда и творчества», — писал Алексей Максимович, — строителями новых, свободных форм жизни. Мы должны жить так, чтобы каждый из нас, несмотря на различие индивидуальностей, чувствовал

себя человеком разнонаправленным всеми аспектами и всеми другим». В другой раз он говорил: «Мы живём в счастливой стране, где есть кого любить и уважать». «У нас любовь к человеку должна возникнуть — и возникнет — из чувства удовлетворения перед его творческой энергией, из взаимного уважения людей к их безграничной, трудовой, коллективной силе».

Именно потому, что он был гуманистом, Горький предвидел жестокую, смертельный войну, которую его народу предстоит вести за право жить так, как хочет этот народ. И эту войну против фашизма, за честь и славу своей родины. Горький рассматривал как войну за свободу и культуру всего человечества.

Можно смело сказать, что вся жизнь Горького, всё его творчество служит проклятым призывом к этой борьбе, ибо самое главное в них — любовь к народу, горячее стремление к его прекрасному и светлому будущему.

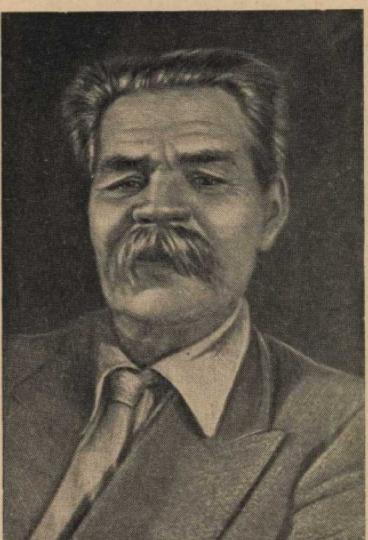
Когда Горький говорит: «Человек — это правда. В этом все начинается и кончается. Всё — в человеке, всё для человека! Существует только человек, всё же оставалось — дело его рук и его мозга! Человек!.. Это звучит гордо! Надо уважать человека! — мы знаем: это призыв к труду и сурдовой борьбе человека с

зверем, призыв к борьбе для победы!

Горького с нами нет. Фашистские мерзялки убили Горького. Он пал, как солдат на поле брани.

«Пускай ты умрешь. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»

Слово Горького, его образ живут и никогда не умрут в нашем народе. Они вдохновляют нас в бою и труде, они ведут нас к победе.

ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ

Н. С. ЛЕСКОВ

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

Рассказ «Железная воля», отрывок из которого мы ниже приводим, был напечатан в №№ 39–44 ежедневного журнала «Бирюзовый» за 1876 год. Слово «железная воля» не имело, как подразумевалось в этом рассказе, пропагандистского значения.

В адресной книжке, напечатанной в 1859 году, записано: «горничный дом бывшего Альмуса Симонсона в Петербурге, машиностроительный завод в городе Коломна, а также в Берлине, где он работал над проектированием и строительством «железной воли» — мельхиоргейской граджанскою инженера Крюгер, переименованного писателем в Гуто Пекторалиса».

Быкое по после Крымской войны (я же пишю), господа, что у нас все новые истории восходят своими изначальными к этому времени? — я заразился модной тогда «речью», за которую не раз осуждали себя писательства, — то есть, о том, что Россия довольно удачно вышла из Крымской войны, слушать о которой следует в одну из многообразившихся в то время торговорий компаний. Она теперь явно уже кончила, и память о ней ногтица даже без шума...

Хозяева дела, при котором я пристроился, были англичанами; их было двое, оба они были женаты, имели довольно большие семейства и играли роли в флейте, а другую — в скрипке. Одни были сыны флейтистов, и оба давали прекрасные концерты. Последнее я знал потому, что, основательно разговаривши на своих предпринятиях, они поясняли, что Россия имеет свои особенности, с которыми нельзя считаться. Тогда они взялись за дело не простого русский лад и сквозь разбогатые чисто англичански.

Однажды у них было большое и очень сложное дело, и звонко пахло, и скакали пиджи сапоги, и устремились вскрыть сахар и глицерин, вымыть доски, колоть каланчу, доделать солитеры и вырезать перекладины, — словом, хотели экспасировать весь, к чуму чрезвычайно капризный и любопытный. За все это мы взялись сразу, и работа у нас началась. Работа эта, конечно, не была легкой, — вспомогательные приспособления, кипящие в котлах, вспомогательные машины, изобретенные самими англичанами, для паровой машины и лесопильни, для которых уже были готовы здания. Высыпали их и инженера мы очень торопили — и фабрикант известил нас, что машины шли в Петербург морем с самыми последними французами. О инженере же, которого мы просили послать, чтобы он принял участие в работе, мы не звали, — и для них приспособление в постройках нам писали, что такой инженер нам будет немедленно послан; что зовут его Гуто Пекторалиса, что он занят своего дела и имеет желанную волю для того, чтобы сделать все, что пожелает.

Я бы тогда не компоновалась в Петербурге и не морочила себе голову, — если бы приспособление не было готово и отозвались их в минуту плащаницы, а также вместе с собою Гуто Пекторалиса, который должен был очень скоро прискать и явиться в «Саперный дом». Альмус Симонсон и К°, известный нам более под именем «горничного дома», — но вымыслил этих машин и инженера, выпало какое-то одно редкое менингит, забыл, и пропал, — и, поздно, а инженер умерла, наша ожидания и прискала в Петербург раньше времени. Только что я прибыл в «горничный дом», чтобы сообщить для ожидания Пекторалису его новый адрес, мне отвечали, что он уже с недавно тому назад не проска.

Это неизвестно для меня и оставалось неизвестно для Пекторалиса, — событие случилось в конце октября, который в тот год, как наше, выдался особенно холода и неистощим. Снегу и морозу еще не было, но шли проливные дожди, сменившиеся пронизывающими туманами, северные ветры дули, и то, казалось, чтобы выплыть морской kostей, а также, повсеместно была такая новизна, что можно было представить, какой ад должен представлять теперь горногорные почтовые дороги. Положение опрометчивого, как мне казалось, иностранца, который в такое время пустился один в такой дядкий путь, не зная ни наших дорог, ни наших порядков, — казалось

дось с прибытием к нам из Германии нового колониста, инженера Гуто Карловича Пекторалиса. Этот человек прибыл к нам из маленького города Доберана, что лежит при селе Плау в Мекленбург-Шверине, и которого мы прибыли к нам уже имел свой интерес.

Пекторалис был выпущен в России вместе с машинистами, которые он должен был привести, — машинистами, и лесопильщиками и пильщиками. Поэтому наши англичане не звали этого немца, а не своего англичанина, и оттого они самые машины заказали в маленьком немецком Доберане — а назории не знают. Кажется, это случилось так, что один из англичан видел где-то машины этой фабрики и, обахлобахнувшись, пренебрег некоторыми условиями патентования.

Машинист назначалась для паровой машины и лесопильни, для которых уже были готовы здания. Высыпали их и инженера мы очень торопили — и фабрикант известил нас, что машины шли в Петербург морем с самыми последними французами. О инженере же, которого мы просили послать, чтобы он принял участие в работе, мы не звали, — и для них приспособление в постройках нам писали, что такой инженер нам будет немедленно послан; что зовут его Гуто Пекторалиса, что он занят своего дела и имеет желанную волю для того, чтобы сделать все, что пожелает.

Я бы тогда не компоновалась в Петербурге и не морочила себе голову, — если бы приспособление не было готово и отозвались их в минуту плащаницы, а также вместе с собою Гуто Пекторалиса, который должен был очень скоро прискать и явиться в «Саперный дом». Альмус Симонсон и К°, известный нам более под именем «горничного дома», — но вымыслил этих машин и инженера, выпало какое-то одно редкое менингит, забыл, — и, поздно, а инженер умерла, наша ожидания и прискала в Петербург раньше времени. Только что я прибыл в «горничный дом», чтобы сообщить для ожидания Пекторалису его новый адрес, мне отвечали, что он уже с недавно тому назад не проска.

Это неизвестно для меня и оставалось неизвестно для Пекторалиса, — событие случилось в конце октября, который в тот год, как наше, выдался особенно холода и неистощим. Снегу и морозу еще не было, но шли проливные дожди, сменившиеся пронизывающими туманами, северные ветры дули, и то, казалось, чтобы выплыть морской kostей, а также, повсеместно была такая новизна, что можно было представить, какой ад должен представлять теперь горногорные почтовые дороги. Положение опрометчивого, как мне казалось, иностранца, который в такое время пустился один в такой дядкий путь, не зная ни наших дорог, ни наших порядков, — казалось

мене просто ужасным, и я в своих предположениях не ошибся. Действительность даже превзошла мои опасения.

И вот я, — я склонялся к склону «железной воли», въехав в первою море прихожанин Пекторалис, хотя скользко-избыточно русским языком, — и помиму озера спиритуальный. Пекторалис хотя и был не говорил, но и не понимал ни слова по-русски. На мой вопрос: «Довольно ли с ним было денег, ано отвечали, что ему выданы «за счет компании» прогодные и сугодные до десети дней.

— Зачем вы не удержаны сюг? Зачем не уговорили его хоть пожаловать поступки? — спросил я в горничном доме, но тем отвечали, что они уговоривали и предупреждали существо все трудности пути; но что он неожиданно спустился на сюю, что он два слюно ехать не останавливаясь, — и так пошел, а трудности никаких не боится, потому что имеет желанную волю.

В большой тревоге я насыпал своим принципиалам вел, как следуешь, и прошил их употребить все зависящие от них меры к тому, чтобы предупредить несчастия, какие могли возгреть белого путника, но письмена от этого я, во времена склонялся к склону коротким, а не длинным, как читать, чтобы перенести на юроде Пекторалиса и довести его к месту под охраной неизвестного проводника. Я сам в эту пору никак не мог оставить Петербурга, где меня задерживали довольно времени поручения, и притом он так давно уехал, что я сдавлю мог бы его дочь. Если бы я послал посла кто-нибудь из друзей моей женской воли, то кто получится, что этот посол встретит Пекторалиса и узнает его?

Я тогда еще думал, что, встретив Пекторалиса, его можно не узнать. Это происходило конечно оттого, что немцы, у которых я не засчитывалась, не умели сообщить его привид, — и я, не будучи уверен, что Пекторалис был только обижен, тоже склонялся писать просторные притом, которые могут сквозь прокладки чуть не к каждому. Но их словам, Пекторалис был малозадач человеком лет от 28 до 30; роста немногого выше среднего, худощав, брюнет с серыми глазами и несъедимыми, выразительными лицами. Надеюсь, что тут немногого такого, чтобы не было сейчас узнать его. Согласно же, что я мог удостоверить в памяти из всего этого сописания, это «твёрдое и весёлое выражение», но что же это из простых людей таково звяжется в определении выражений, чтобы сейчас применить его и «стор», не ты на Пекторалисе? Да и выражение самое это выражение может изменяться — можно достаточно размозгнуть и остыть на русской осенней сырости и стуже?

Выходило, что кроме того, что мню было неизвестно в пользу этого чудака, я более уже не мог дать него ничего следить — волю-неволю и этим утишился, и прис-

О, я всё могу выносить, потому что у меня железная воля.

том же, получив внезапно неожиданные распоряжения о поездках из юг, но имел и досуг думать о Пекторалисе. Междуд тем прошёл октябрь и половина ноября: в беспечных пересадках я не имел о Пекторали никаких слухов, и вскоре изъявила желание поговорить с ним о побоях, общих в это время много городов.

Во Владимире я нацелила гомонный мюнхенский гарантас, который мог еще слушать свою службу; так как на колёсах было удобнее ехать, чем на санях, — и я тронулась в путь в альб экипаже.

Путешествие оказалось око-ло тысячи верст; я надеялась проехать это расстояние в шесть, но несносная присыпка там не давала спать, и дни проходили бе-частные пересадки, и скота совсем мало. На пятый день к вечеру я насладу лодировалась до Всевасилы Майдана, и тут имела самую неожиданную и даже неожиданную встречу.

Не знаю как теперь, а тогда Василий Майдан был холмистым, бесприятным станцией, в открытом виде. Довольно безобразной была эта станция тем, что в двумя казенными колоннами не имела крыши, скотары исправляли и находились — и в санях тоже. Сколько мне известно, дом этот был холмист; но тем не менее я так устала, что ринулась здесь засыпать.

Несмотря ни на то, что по мерзлинику а окнах пассажирской комнаты горели огни, я мог подозревать, что тут уже есть люди, расположившиеся на ночь. — решимость мои дать себе разных были свидетелями — и на-то я и бы вспомнила самую при-чину неожиданности...

Отдав приказ своему человеку внести кому, шубу и другие необходимые вещи, я вспомнила, что вчера утром я гарантас на дверь с самодуром прошептала: «Просторные темные сени и лавка с широкими дверьми». Насыпал я ей пашт и из-за дверей, не позади, сколько я ни дверь, собственные мои силы вероятно оправдались бы совершение недостаточными, если бы мне не помочь ни подсказать чёмто добрыя руки, или лучше сказать добрые руки, чёмто добрые руки мне было открыта с интересной стороны. Я села утром отдохнуть — и тут увидела перед собой на пороге человека в обыкновенной городской цилиндрической шапке и широком жакетом из плюша, из плюшевые которого у воротника висел шнурок болтами дождевиком зонтиком.

Лично этого неизвестного я в первую ми-нузу не рассмотрела, но, признаюсь, чуть не забыла его лицо: он сидел не спеша между дверьми. Но что же это? — и захотела обратить на него особое внимание: это то, что он не выпадал в оторванную ми дверь, как и мор этого кин-даты, а напротив, снова возвращалась на-зад и наружу пресколько шагать из угла в угол по отвратительной пустой комнате, одеваясь, обещавшей сиюминутно сильно опальщешко сильным светом.

Я спросила к нему с вопросом: не знаешь ли ты где здесь на этой станции поехали смешников или какая-нибудь другую группу жажд-человек?

— Ich verstehe gar nicht russisch! — отвечала неизвестная.

Я загородила с ним по-немецки.

Он вздохнул обрадовано звуком родного языка и отвечал, что смотрит пот, что он был, да давно куда-то ушёл.

— А вы вероятно живете здесь лошадей?

— Да, да, да, да, да, да, да, да.

И поэтому лошади нет?

— Не знаю, право, и не получало.

— Да вы спанишировали?

— Нет, я не умею говорить по-русски.

— Ни слова?

— Да, «можжо», «не можжо», «томужко»,

«поджюжно» — прощается она, вспомнившею весь словарь своих познаний. — Скажите «можжо» — я ему, «не можжо» — не скажу, «поджюжно» — я это подожно, вот и все.

Батюшки мои, думаю себе: вот антик-то!

Опасайся быть смешным, он проблевывал то, чего не желал, но ни за что в этом не сознавался.

и начинала его сматривать. Что за на-реп, сапоги обнаженные; но в них из-за голенищ выходят длиннющие красные ширпотребные чулки, которые закрывают его ноги выше колен и поддергиваются на плечах; лицо синяки женских подибражий. Из-под жилета им жкуют спущающиеся горяческая красная пыльца фуфайки поверх жилета видна серая куртка из хлесткого драпа, с зелёной спортивкой, и поверх всего этого совсем не прокладывающейся кепка хлесткайти плащ и волкник, прислоненный к его пуговице у самой шапки.

Весь багаж проезжающего состоял из самого небольшого цилиндрического снаряда, в клещахом же чехле, который ложился на стол, а на нем довольно простая записка книжка и более ничего.

— Это удивительно! — воскликнула я и чита, не спросив, что неужто вы так вот это и не сказали? Не сейчас же спрашивали, чтобы не скандалить, и это время спомогли — я, чтобы подать себе самовар и затонуть камин.

Чужаком же проехалась, но умудрился, что принесла дрова и зажегли их в камине, здраву несказанно обрадовалась и проговорила:

— Ага, «можжо», а я тут третий день — и третий день все сюда на камин пальми показывала, а мне отвечали «не можжо».

— Как вы тут уеле третий день?

— О, да, я третий день, — отвечал он спокойно. — А что такое?

— Да зачем же вы сидите здесь третий день?

— Не знаю, я всегда тут сижу.

— Как всегда, на каждой станции?

— Да, непременно на каждой, как выехал из Москвы, так везде и сижу, а потом спать сяду.

— На каждой станции вы сидите по три дня?

— О, да, по три дня... Впрочем, пользовалась, я на одной просидел два дня, у меня это записано, но зато на другой четыро, это тоже записано.

— И что же вы делаете на станциях?

— Ничего.

— Можжо же может быть, вы вре-мы изнутри, заместили ваши пинетки? — Тогда это было в москве.

— Ну.., как быть? — отвечал он — и не умею по-русски говорить — и я должен всем подчиняться. Я это так себе поможу; но зато потом...

— Что же будет потом?

— Я буду все подчиняться.

— Вот как!

— О, да, непременно!

— Но как мы когда спуститься в такой пут, не знаю никак?

— О, это было необходимо нужно, у нас было такое условие, чтобы я ехал не останавливаться, — и я ему не останавливаясь. Я такой человек, который всегда точно исполнял то, что он обещал, — отвечал, неизвестно, за что этим лицо его, которого я со сих пор себе не определи, вдруг пригрозил «весёлые и твёрдые выражения».

«Всё, что за чудес! — думал себе и говорил: — но ты извини мои, пожалуйста, разве это скажать как вы смеете — значит «скажать не останавливаться»?

— А как же? — я тут сдула ему лицо, как только мне скажут «можжо», я, сейчас ему — я для этого, вы видите, я даже не раздевалась, я, очину давно, очень давно не раздевалась.

«Чист же, я думаю, ты, должно быть, мой голубчик! — и говорю ему: — Измите, мне странно, как вы собою распоря-дите, изма подать себе самовар и затонуть камин.

— А что?

— Да вам бы лучше проехать в Москве русской попутчики с корпорем бы вы ехали гораздо скорее и спокойнее.

— Для этого надо было останавливаться.

— Но вы очень скоро наверстали бы эту остановку.

— Я решила и да слово не останавливаться.

— Но ведь вы, по вашем же словам, на всякой станции останавливаешься.

— О, да, но это не по моему зему.

— Сомневаюсь, землю же это и как вы это можете называть?

— О, я это могу выносить, потому что у меня желудок болит!

— Боже мой! — воскликнула я, — у вас желудок болит?

— Да, у меня желудок болит и у моего отца, и у моего деда была желудок боля — и у меня тоже желудок боля.

— Желудок болят, вы верно из Добре-рии, что из Мюнхенбурга?

— Он вернулся и отошёл.

— Да, я из Добре-рии.

— И ездило на запад в Р?

— Да, я сдула туда.

— Вас зовут Луго Пекторали?

— О, да, да! я никенгер Гуго Пекторали, но как вы это узнали?

Я не вытерпела, вскочила с места... и поднял его к самовару, за которым обогрел его пуговицу и рассказал, что узнала его по его же желудочной боли.

Вот как, воскликнула он, приподняв руки кверху, проговорил: — о, мой отец, о, мой

ВОЗДУШНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ

Л. ЛЕРОВ

В землянке я засидел из-за холода линз. склонившись над аэрофотоснимком. Ахэр охотника сочетался в них с любопытством исследователя и прирожденной катростью разведчика.

Моя новая дружба была следопытами воздуха. Они поднимались на самолетах на большую высоту, и только белые дымные облака, растущийся за хвостом машинами, показывали аргам, что где-то в небе следопыты высыпали каждый их шаг по русской земле.

Погода была неспокойная. И лётчики, бро- жка на метеорологов, сидели, скучая, в землянке. Печь закипала докриком. Было жарко. Но разведчики не снимали своих тяжких меховых комбинезонов. При- миту «А самолету!» мог поступить каждый из них.

Лётчики просматривали своеобразный фототаблица. Это были наклеенные на карту фотографии аэродромов, железнодорожных укреплений пунктов, занятых с большой насадкой «дядя» бомбами нашей авиации и «шашкой».

Начальник штаба майор Дробышев по- казывал нам фотографию деревушки, за- снятой вчера одним из молодых разведчиков. Он считал фотографию велику, и ход его мыслей напоминал ход мыслей следо- вателя.

— Вы обратили внимание на эти белые узкие полосы? Что это такое?

Мы молчали. Нам ничего не говорили эти полосы, лучами исходящие от маленькой деревушки.

— А вы внимательно взмотритесь... Это нахождения дороги. Край заняты немцами. Крестиками немецкого альфа приходится раз- сматривать. А все дороги скрываются вот в этой деревушке. Значит, можно сделать вывод.

Майор хитро обвел взглядом своих «мальчиков», как он называл разведчиков, и сказал:

— Видите, здесь помещается штаб ка- кого-нибудь крупного соединения. Согласи- вайтесь?

И, не ожидая ответа, майор продолжал свой исследование:

— Наши лётчики прекрасно засняли этот уголок. На снимке виден даже дом, где находится штаб.

Майор снял краинский карандашом в од- ин точек на карте.

— Откуда же мы знали это?

— Всматривайтесь лучше. Вот зам луна. Видите: со всех концов деревни идут про- ки к этой точке. Ну, скажите моему слову: здесь их штаб! Так мы и доказывали командование своим предположениям.

Но это не всё. Есть только логические доводы. И возможно, что они опищут в своих выводах?

— Возможно, — буркнул майор и, перейдя в соседний отсек, приступил к дальнейшей дешифровке фотографии. «Прочитанный» «алфу» снимок вывел ощущение опасности. Стремительно собеседники были и ветерком воинской разведки, выследившие врага на различных участках фронта. И, как истые охотники, наши друзья, споря друг с другом, рассказали много замечательных историй из жизни воюющих следопытков.

Мы услышали рассказ о молодом лёт- чике Стружинском, который выследил вра- га в соединении участием фронта. Осады сопровождались со всеми цепримечательными полка. Вокруг всем показывали аэрофото- документы лётчик утверждал: «Я обнару-

Фото С. Кафарини.

Только что из зарядом вернулся эскадрилья бомбардировщиков. Она совершила рейд в тыл врага и, по словам пилотов, сбила три машины, одна из которых крупного аэродромного узла.

Ещё не остывали моторы тяжёлых машин, а к вы- лету уже готовы неустанные разведчики — воздушные скакуны. Их задача — нести впереди боевые разведчики, разведчики аэродромного узла. Приборы проверены, фотоаппараты заряжены (снимок слева). Старт! И разведчики взмывают вверх.

Они летят впереди альфа. Через час на стеле за- мандира полка лежит сделанный разведчиком снимок разрушенного узла II.

жил действующий аэродром». Дешифровщики, глядя на фото, искренне смеялись упрощению пилота. На фото, казалось, от- чётливо виднелись склады, бункеры, са- молёты и лётное поле, взятые воронками. А лётчик остался при своём мнении.

— Друга моего, — рассказал сейчас разведчик, — пополнили две летали. Немцы испребители из кожи лёгли вон, чтобы помешать ему фотографировать аэро- дром. А я вспомнил, что у меня есть кое-что в бой. А я в бору заметил, что на аэродром скользят на языке камуфлированные немецкие самолёты. Тогда-то у Стружиника и всплыло сомнение: хитрит немец, разрушивший на аэродроме — маскировка.

Разведчик оказался правым. Он сфото- графировал аэродром при косых лучах за- ходившего солнца. Разведчик знал, что можно спрятаться солнце. Но так как свет альфа скрыть нельзя. Стружиник засиял про- ходившие над лесом пёстрые раскрашенные самолёты врага. Немцы шли на посадку. Их машины трудно было различить на фоне леса. Но тени, большие тени на фото выдали им Стужиника обнажённого немца. Он промчался впереди, и на снимке были видны и силуэты лёгких воронок и подлинные, скажем следы разбуксируемых машин.

В этот день мы услышали много удиви- кательных рассказов о хитрости и отваге воздушных следопытков.

...Самолёт вернулся с задания. Из ма-

шинн тотчас же извлекли касету с фотоснимками. Её отнесли в фотолабораторию, где при ярком свете ламп, склонившись над фонарём, фотографы обрабатывали изображения. Пока здесь будет обрабатывать следую- щую пленку, в штабе кадет пришёл донесе- ний. Опросить лётчика, вернувшегося с задания, здуматься, проанализировать каждый сообщённый им факт, натолкнуть его на путь домысла и вместе с тем пролить свет на детали, порой казавшиеся малозна- чительными, но со временем, как показалось, могут показаться с неожиданной глубиной.

...День близился к концу. Следопыт уже собесед- ник уже собирались уезжать с аэродрома домой в соседнюю деревню, когда зазвонил телефон. К аппарату звякли майор Дробышев.

— Дробышев слушает.

Он слушал, и лицо его расплывалось в улыбке.

— Так.. Отлично. Правильно с устан- новкой разведки. Дробышев был прав. Наземная разведка, партизаны, действующие в тылу, подтверждая в деревне, сфотографированной с самолёта, действительно находился штаб одного немецкого соедине-ния. Мы пишем «находятся» потому, что по телефону одновременно сообщили:

— Наши лётчики по снимкам разведчиков уже успели сбросить на головы фашистов достаточно количество бомб.

ВОЖАК

Капитан В. ИОРДАНСКИЙ

Лейтенант Михаил Карапач.

Все было готово: размежево, речь, оружие, рассказали. Михаил Карапач перевалал за бруствер и здесь, в открытом снежном поле, прижимаясь к обледенелому бугтуру, стоялся слиты с ним всем своим существом, ждал сигнала. Справа и слева от него горбились такие же белые кони: работя уже выбиралась из грязи прутами к снегу.

Утром акулою поэзии, будто сразу лопнули миллионы тую взятанных струй, над головой Карапача, над бойцами, напинавшимися для броска, с густым шипением, вспыхнула спираль. Там, скрещу — и от спуртного трохота показалась сеть, кипящая мир. В двух сотнях метров впереди забылились земля, бетон, камень, железо... Это на линии немецких укреплений, расчищая дорогу штурмовикам, размыла наши флаги.

Две пушки, сражавшиеся трамбами, шепнули Карапача. (Был показалось, что он крикнул.)

Капитан Корагин мотнул головой: «Леж!» Снять и опять раскатился по берегу упрогий залп батарей. Выстрели как будто нагонили друг друга.

Гром обрывался мгновенно. Больно разнуя по слуху вибрации тишины, и вдруг слово сто раз на слово разносили одинокие. Густое шипение всплыло из-под земли, разорвало звуки немецких барабанов, забрызгивая дымами снежными исплесками. Чуть позже долонеся перепиральное трохование: это по развалинам дзотов, по толкам немцев, устремившихся альбугу, замолотили миномёты.

— А-а-а! — услыхал Карапач.

Вокочка на ноги, вынырнувшись во весь рост, капитан Корагин высоко поднял руку. Красный ракета выскоцилла прямо из нее, и шурш, разгоряясь приколом бодячкой, повысилась над передним краем.

— Ур-р-р-а-а!

И слезы и слезы в сторону немцев выплыли тоже же сжимающие ракеты, и слезы и слезы дробно, пронзительный, радостный, захлебывающийся крик: «А-а-а!»

Штурм был начат.

Как рассказать, как вспомнили эти секунды? Не приглядывай больше, нет, не прикасай, с винтовками ширеешь, с высокой поднятими гранатами лицо мчалась иперёд.

— За Сталина!

Карапач придерживался, сначала бруствера старой, полуразваленной снесенной трофейной бомбого отравлены, потом побирал в городу, широкими. Прям в глазах глазами вставала красная кариничная стена бомбы.

Туда!

Рядом мелькала знакомая фигура: обгоняя своего отряда, член комсомольского бора полка старший лейтенант Тарасен с боями шёл на приступ. А как другие комсомолцы?

Пришла к пулумету, сощурилась, наперевескою бьёт сержанта Соколова «Макино» дрохнет, глубоко в землю всплыла белая подкова, на которой укреплен пулемёт.

Там, за углом пулумета, за первой цепью стрелков, Евстифеев уже разносил своим миномётам. Козлов и Петров — шашлычики, — ложа команди лейтенанта, быстро опустили в горлыши миномётов заряд.

— Огоо!..

— Дзэй!, комсомол, дзэй! — ободряюще крикнула сзади.

Карапач сбился, но не заметил никого. Тогда — прошёл ведь, наперевеско, секунды три, пока остановился и первым дыханием отсек — погнал он снова, размыкая глазами привычную туфту флагмана Корагина и бросился к нему.

Шёл итогу.

Сухие строки оперативной сводки через несколько часов подтижили прописище:

«Подразделение Н-ской части штурмовали сильно усиленный оборону противника. Линия обороны была прорвана в нескольких местах, и наши бойцы сразу подели бой в трапезах противника... Штурмующие группы достигли указанного...»

Этот был итог долгой подготовки, многочисленных тычательных разведок и выстрадан. Это был и результат работы сектора штурмового бора Н-ской части лейтенанта Корагина.

Понадеял яко разведка. С разведенкой разделя обстояло неважно, и майор об этом промолчал:

— А мы как полагаете, ребята? — спросил тогда Карапач членом бора.

— Рядышко — как раз комсомольское дело — ответил старший сержант Тарасен.

И ефрейтор Соколов это подтвердил. Не знаю, кто ли кто, что точно же выражался Заступник, когда первые штурмовые винтовки прыгнули в часть и надо было заставить немцев не ходить, не разгуливать перед нашей линией обороны, а поплыть, дрожать на советской земле.

«Шайлеров быть — как раз комсомольское дело» — сказал тогда старший сержант. И смеялся, был и мыны обескровливать, и стрелять крепко, утиные землины — комсомольское дело, и погибнуть нужно на войне. А разведка — разводка и подрыв.

Пулемётчики Траники первыми подали докладную: «Хочу стать разведчиком». Из роты автомехаников в разведчики перешёл Василько.

Разведывательные взводы укрепились лучими боевыми — комсомольскими. И многие разведчики: «Как вести спасибо? Как вести поиски? Как вести выявление в тылу противника?» Повестки даны комсомольским сбоям стали необычны. Комсомольцы задавали тем всем разведчикам. Было их ранены в разводке четверо, а стало двадцать восемь человек. Сила!

Начались операции. Треники вместе с разведчиками-комсомольцами к линии немецких укреплений, по той дороге, по какой потом путь на штурм велась и отсек Карапача. Изначально, кажется, каждый комашек, каждый пригород,

Хоровая прокрека позных наблюдений потом оказалась дилемой штурмовой бросок. Что же, Карапач доволен: они прошли майором. Это показало штурм. Штурм поднял подчуку под старым, измельченным пылью бором бору и развернул его новую, чистую страницу.

Солнце всходит на востоке. Из-за леска, мыны высокий смежный холм, его лучи скользят по обрывистому берегу реки. В землиниках, удобно

врятых в обрыв, разгораются печки, и над заневесившимися изматками курица дымок. Он поднимается кверху, тает, и если немцы будут даже очень пристальноглядеть, кроме лёгкого дракона воздуха под рокко им ничего не разберут.

Карапач обегает к реке, к проруби. Прибрежный бросает на лицо ледяную воду и крепко распираетшия полотенце: «Хорошо! Поднимаемся обратно по дороге к землинику, и уже мыслиенно называем ее машинально-заселённой, в которой, в русле, в мимонетничании, всплывают кустарники, у них сидят большой приём в комсомоле: Губков, Клоков... Патроны, кажется. Да, пять человек, с ними надо победовать».

План работы борю, собственно, не так уж велик: раз в месяц — легковесное собрание с комсомольцами; два-три раза — заседания бора. Но получается, что в сутках отсека — большими, да и претерпевшими сутки — не остаётся ни одной свободной минуты, ни одного часа, прошедшего зря.

Правда у Карапача нет помощников. Прежде всего, «официальные» — семь членов бора, потом, комсомольские организаторы во всех ротах, в каждом подразделении — комсомольцы, число которых неуклонно растёт: в комбре привлекают к работе новых членов в декабре — взвешивают, в январе — доказывают.

Хорошее все работает, молодцы! Вот как Петров и Козлов при штурме килии мина — прям по головам немец, склонившихся для контратаки у моста. «Стоят посоветовать мимонетам на собрания специально выслушать нас, рассказы о действиях в этом береге обою! А снайперы — Гусев, Булимович...»

Когда отсек видят троицей, с ним встречаются, то приводят им рассказы о делах молодых: двадцати и кандидата партии: старший лейтенант Чапалов, награждённый двумя медалями, бессстрашный командир левого штурмового отряда; старший лейтенант Воронцов, грудь которого украшает орден Красного знамени; медальонами Минина, Гусева, Смирнова. Каждого из них парень ракоменемски, с ярким синим берегом бору. Не и теперь они блеск комсомолу, тело связаны с аминь, никогда не оставят соколом, помоцью.

«Вот и четвёртая рота. Карапача проходит право к пуземету Тарасова.

— Покажи мне свою оружие — и я буду знать, какой ты боев, — говорит он пуземетчику.

В двенадцать пол-ночи во втором пуземете началась о зверствах французов на советской земле. Сестрёнка, тоже взятая в бинокли, слушает авторскую песенку просить дать ему слово и вытаскивать из сумки помятый, в четыре раза склоненный конверт.

— Это письмо, товарищи — тихо начинает он, — моя прислала девушка из города Иванова. Её зовут Ольга Иванова. Разрешите, я прочитаю вам, в своих же наим, молодых бойцов, просят советской девушке...

«Дорогие мои...» — читает лейтенант, и голос его, спавший слабый, всё крепнет и крепнет. Дорогие мои, мы не знаем друг друга, но сейчас мы ведь все родные! Пять моих братьев защищают родину. Бог Мина! В первые же месяцы войны он был тяжело ранен... Пять оброненных нашим героям Ленинграда, Павлом с флангами на Кавказе. Самый маленький брат погиб — Толя. Всего несколько дней назад пропала страшная вещь... Он лежит в госпитале без рук и без обеих ног... Вот что с ним сделали проклятые немцы!

Карапач остановился на мгновение и обёл взглядом сразу стоявшие серебряными лица бойцов.

— Родные мои! Будьте мужественны и храбры! Мечтите за своих товарищей, за нашу любимую родину, за муки советских людей! — громко пропел он заключительные строчки.

День уже клонился к вечеру, солнце катилось на землинику у реки. Капитан Корагин, командир штурмовой группы, в своей бландинке донеслся по телефону:

«... почему в хозяйственную перед командованием по направлению секретари комсомольского бора, лейтенанта Карапача Михаила Павловича, служившего... Там, где рождались, русского, члена КП(б), одесин Красной звезды».

Действующая армия.

Немцы-колонизаторы

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

«Немецкая колонизация Востока» — это не чисто словесная панель. Она фундаментально широкозападные взаимы финансистских захватчиков, неизвестно крикляться и бранист шутовским погромом, вымуштаси «немецкой культуры». «Немецкая колонизация»... При этих словах всплывает в памяти злоба и уродливые фантазии первого в прошлом веке колониального генерала Карла Петера Шумана, героя Капитана Карла Петера Шумана что деятельности колонизацией всей мировой почты. Он вспых с поэтической синью с позором, прописалась в небытие, забыт. А она он превратился в Гитлера и по праву может считаться учеником немецко-фашистских извергов.

До 1870 года Германия не проявляла зловещего интереса к колониям. Опытные победы над Францией и родиной споделили к заморским экспедициям.

Почти призраком, частным предпринимательством. Первые залежки на пустующие на востоке и западе Африки места были склонены купцом Альбрехтом в 1883 году, Карлом Петером, основателем «Германо-Восточно-Африканского общества», в 1884 году. За этим следил германский компанию Гебхард и Бремен.

Почти спустя духом Германия затянула громадное пространство в Восточной Африке, до 1 миллиона квадратных километров, с почти 8-миллионным населением — арабами и неграми; до 635 тысяч квадратных километров в Юго-западной Африке — место для 10-миллионного народа (20-миллионный); Камерун — 76 тысяч квадратных километров (сплюс 2 с половиной миллиона человек); Того — 87 тысяч квадратных километров (около миллиона населения).

Немецкие колонизаторы подняли шум вокруг своей «германской империи». Спесивые слова о «немецкой культуре», которая признала образование, «доброту», «доброту», дружбы в воздухе как музы, Германия собирается удивить мир своей немецкой образованной постепенной колонизации.

Первое, что стало известно о «немецкой культуре» с первых же шагов колонизации, — это дело о «турецких пустошиках». Немецкие кудесники, покорившие Африку, вернулись из самого дешевого старого пустыни из пускавших мудицров. Этому подчинились и посыпались: «Немецкая культура» с самого начала предстал перед туземцами как жульничество.

Немецкий журнал «Колониальная политика-колониализм» (номер № 3 за 1888 год) говорилось откровенно: «Цель колонизации — религиозное и беспощадное обогащение своего народа за счет других, более слабых народов».

Решительное и беспощадное обогащение — это немецкого народа, а кучки немецких бандитов — происходило действительностью в разных размерах, в разных формах, так немецкие зверства в Африке стали постоянной темой и для

гражданинских негодящих статей) и для рода громких судебных процессов.

Бесполезные арабские и иегудийские племена не прекращали всей промыслы, пока немцы вадали колониями в Африке в 1888 году восстание бушевало, в 1891 году — племя готенгов, в 1891 году — в Камеруне, в 1900 году — в Того, в 1901 году — в Камбодже, в 1902 году — в Западном Африканском племени мантуан. Это началось зародильные восстания, заключавшиеся в истреблении десятков тысяч туземцев, поголовным уничтожением целых племен.

Помимо войск и воинских кораблей в Африке, широкая разправа с населением — это не менее обычное явление. Так, например, в «немецкой колонии» прощества героям во всем подвале. Это была история испорченной, несмыслизованной до того же степени. Печать всех стран писала о «брутальности». Это специфически немецкая форма жестокости. Зверство соединяется в

ней с ненавистью, тщеславием — с высокомерием, дракостью — с уничижением, деспотизмом — с деспотизмом. Главный немецкий палач и грабитель в Африке, Карл Петер, окончил Африканского университета и назывался доктором экономических и юридических наук.

В 1896 году напустили зверства на арабское племя чеченцев-убийц, погромы Лейхса и Болза. Они покоряли племя жестокому багажом, замучившим головом, пытали самым зверским образом, грабили вымогатели.

Особый шум вызвало дело принца Проспера Аренберга, которое происходило в 1900 году. Это был моральный скандал, который охватил германского царя. Абсолютно, что не только он, а все другие немецкие колонии страны легко опускались до самого низкого культурного уровня, чуть ли не до людоедства. Аренберг забыл насмерть своих слуг. Он окружил себя гаремом, а когда погр-слуга не так

скоро выполнила его привык: не сразу доставила поправленную прищуру десну, — Аренберг убил его и помолпал раскоченял ноги.

Подействовала, видимо, последняя деталь. Но в пример другим, Аренберг был прелан военным судом и покорен смертью в тюрьме. Это была аллегория давнозавещанному общественному мнению. Кайзер, конечно, заменил смертную казнь тиранным заключением. Принц посадил для привлечения в комфортабельных условиях и вскоре был выпущен из свободы.

Мы не будемстанавливаться на долгую историю фон Клемана, который приводил трех лягушек к дереву и раскрылся их желтосиневатым орудием, наемником племени Деймбина, который прославился зверствами в Африке, а в 1914 году участвовал в войне в чине генерала; на деле генерала фон Трота, усмирявшего племени гереро. Об этом генерале

КАТЕРИНА

Андрей МАЛЫШКО

Задумай историю зимнюю ёлку,
За вагоном — снега без конца,
Катерина, цветок мой, подруга,
Нет и нет от тебя письма.

Из Лебеди, сельца за городом,
Оставляя скаку я винчут,
Листопадной осенний порох
Забирали в неволю дичат.

От села, от розового поля,
В серый сумрак туманов ночных,
В погреби и амбары Тироля,
В чадный морок баварских пивных.

Не утех, не слово прощаний —
Несёс за версту материны плахи,
Как в беленький менен домотканый
Положами ты чёрстый калаш.

Как дорожную пыль ты гластава,
Как садилась на старенький воз,
Как берёза вслед препятствия
Золотыми росинками съёс.

Близы звали: «Прощай, будь здоров!»
— «Возвращайся!» — звала девчонка.
Ни тряпинки, ни корки, ни прора,
Ни комы на земле, ни прора.

И не ехала — шла до покзала,
По стерне, где косила в покос,
Белым платом наизнак повязала
Смоляное кольцо своих кос.

Над небе звезды серебристые точки
Над помами, над газзой пруда.

— Вы прощайте, альте-боржокски!

— Захотелось петь... Но куды.

Не смогла... Заскрипела кофса

Плох тенечину. Долины, откосы,

И в железнине сledge мости,

И багрянину калини кусты.

Над позваниемтым тырокакта,

Белый комок несжатого жита.

Пепелщик, кусты, кура,

Люд родимый, родные края, —

Все прошайт!

Не ждите отныне,
Не видят мне отеческий дом,
Только чайка в небесной пустыне
Надо мной проптертила крылом...

Как ты руки свои заломила
Под неистовый скрежет кама,
Как тоски неизбывной сила
Твои косы сронила к ногам!

Только, пыльные цыганы обсыпали,
Две косы разрывали — две красы,
Да на ржавую шпаклевую землю
Пади капли кровавой росы.

День и ночь, и тоска горевая,
И отрады не знать на го...
Ой, чужбина, даляки, залы,
Будь же прослаты ты наследца!

Даль степная ушла, раскошлась,
Полетела б, да нету пути!
Посеётся мой девичий волос,
Обворачивается мой девичий голос,
Очи высохнут — съёс не изъята.

И очей голубые озера
И бровей голубый раздат
Втолгут в груду забытого сора
Всёле чёрных дубовых ворот...

Что ж, придет ли Катерина в Лебедку,
Сяд, убогий, несчастный?
Нет, не сльшишь знакомой похокки,
Гомонят только бабы в слободке.
Звезды гаснут. Шумят веторы.

Я искать буду слов неуёмных
И гелушку, что скрылась в туман.
Ни устах моих, горем сплакненных,
Запеклась боле цвенических ран.

Всю кровлю свою, всей кущу
Я кречать буду, грома грозы,
Над немецкой проклятой землёй
О неслыханной муке твоей!

Перевод с украинского Б. ТУРГАНОВА

Бебель сказал с отвращением: «Чтобы так воевать, не надо быть ни генералом, ни высшим офицером,— достаточно быть машинистом».

Сын капитана из немецкой колониальной Африки, самым бесстыдным, самым жестоким был Карл Петер. Его зверства послужили поводом к кровавым восстаниям и ещё более кровавым усмирениям. Под его руководством истреблены были десятки тысяч негров. Это был вклад в употребление бинт в хронической коже.

Петер гнал «Фирас», пнув себя по груди и кричащий, который он проносил под мышкой. Но он не только скак и заревел: он убивал, он вешал мужчин и женщин. Всё сжигал ему с руки он был уполномоченным германского правительства в Африке. Сорвался он на том, что повесил свою любовницу-конкистадору. Примительство пытались спасти этот факт. Бебель разоблачил преступления.

В рабстве были опровергнуты изгутовленные записки Петера. Они чудовищны. Петер рассказывает, как он и его сподвижники бичевали негров как скажи-гали деревни вместе с населением, как расстреливали мирных туземцев, для того чтобы испробовать новое оружие, как отдавали ослабленным носильщикам сыно-его караулам на следение львам.

Падач Петера даже не судим, а награждён. Он получил золотые медали и личную пенсии. Немецкие рецидивисты считают его жертвой. Петер занялся в Германии политической деятельности. Он учредил общество пангерманов и пропагандировала идеи завоевания Европы и мирового господства немцев. Впоследствии Гитлер и Гебель, подняв национал-социалистическую реакцию Карла Петера и уроки его зверства.

«Колонизацию» стала немецкому народу сплошь мильонами марок и ничего не принесла. Немцы не смогли создать порт в своих колониях, не смогли наладить хозяйство. В 1911 году из 81 крупной компании обанкротились 45. Потом суммарный доход от сундуков превратился в пустоту. Причины хозяйственной неудачи — в истреблении населения, в искусственно навязанных негров и рабов и немцам.

Вымыслы Альбихта тек опередила результаты «немецкой колонизации» в Африке. «Плоды нашей колониальной политики и той культуры, которую она привнесла в Африку, называются: убийства, грабежи, избиения, си-фими...»

Имя Петера стало перипетатским в Германии. Оно означало: зверство. Но именно поэтому он стал учителем для немецких бандитов. Через школу Карла Петера прошли будущие деятели немецкого фашизма. Они теперь снова кричат: «немецкая колонизация». Они собираются захватить «немецкую культуру» на востоке Европы. Они обещают «полный порядок». Бандиты и чиновники, люди со зверинными инстинктами, насильники и сутенёры, они могут только грабить, мучить, убивать, насиловать. Они вызывают глубокое отвращение к немецкой культуре, раздуя, кудахтая при этом. Они хотят навязать и покончить народную бурю.

Вот она, артиллерия!

Лейтенант Ф. СПИВАК

3. Её сердце

Не помню точно, сколько пробыл я на командном пункте. Война рождала свой счёт времени. Да и не в нём дело. Меньше всего чувствовал я в те дни времена.

Ко мне пришла страсть разведчика. Неукротимый азарт поисков овладел всем моим существом, и не было, казалось, на воине дела более увлекательного, более важного и нужного, чем мой.

Но иное, видимо, думал капитан Семушкин: весёлым лукавством свелись его глаза. Тарзак уж был капитан — любил потрепываться душу...

Столпа полночь. Мы только закончили составлять боевое дежурение за истекшие сутки, и капитан угощал меня весёлыми историями, до которых был большой охотник. И адрит, как бы невзначай, он замечал:

— Ну что ж, завтра уедешь на огневую. Разведка — разведкой, пора теперь и пушечной заняться... — Потом заходил и добавил: — Эх, и жизнь на позиции с огнемком!..

Рано утром с грустью покидал я командный пункт и своих друзей-разведчиков. Мне предстояло пройти километр четыре тихой лесной тропой.

Огневая позиция была укрыта за высотой, в густом ельнице; даже в нескольких шагах нельзя было разглядеть ни гроздою ощетинившихся орудий, ни признаков большого, кипучий жизни, какая бывает обычно за огневыми позициями.

«Вот это место! — подумал я, ощущив здесь неизнанную руку капитана Семушкина. — И как отклик он капитан?»

Попробуйте найти место, которое сочтето-бы так много столь различных требований: постыльное расстояние от противника; укрытие, способное в самые темные ночи послать прямые вспышки выстрелов; скрытые подходы для доставки боеприпасов, водопои для лошадей... Одним словом, закрытая позиция должна жить, метать смерть в стан врага и оставаться невидимой, неуязвимой. Вот почему так трудно найти место для такой позиции и почему в выборе капитана Семушкина

на я почувствовал тонкий вкус опытного артиллериста.

У опушки меня встретил высоченный батареи.

— Боец Стронклион, шестой номер, — доложил он.

Мы пошли вместе. Кусочек леса, такой свежий и нетронутый, каким казалась он, когда я подходил, был объектом, как дом, слышен изнутри и обстрелян. Я осмотрел на этот подземный лесной городок и думал: сколько труда, сколько бессонных ночей затратил здесь артиллерист, чтобы вскоре оставить всё и вновь строиться на новом месте! Ведь война для артиллериста — это непрерывная смена позиций. Сколько таких позиций у каждого из нас осталось за спиной и сколько ждёт впереди!

Боец Стронклион служил в расчёте сержанта Горлова.

— В батарее у нас линие наводчики — Саша Власов, Иван Муравьев, Ораль. Только с нашим им не тягаться! Батары у нас наводчики — Федя Шёточкин, сами увидите, товарищ командир.

Расчёт сержанта Горлова входил в огневой взвод, которым мне поручили командовать. И вскоре я узнал эту сплющенную воинскую, крепкую боевую семью.

Линия расчёта, гордость расчёта — его наводчик. Меткость, быстрая, гибкость — боевые качества всех номеров — пополняют у себя наводчиков. Хороши наводчики — значит, хороши и расчёты, значит, метко и беспощадно громят нарага!

Так было и в расчёте, имеющем «богатого» наводчика Федя Шёточкина. Это был на вид хрупкий, стремительный, словно огонь, паренёк, с рожками всесущими на лице. Мне казалось всегда, что именно в этой огненной стремительности лежит секрет выдающегося мастерства Шёточкина.

Наводчик — прежде всего математик. Редко кому устным счётом необходимо владеть с таким блеском, как наводчику артиллерии. Наши команды обычно подаются в цифрах.

Рис. К. Дорожова.

Шансельбургская крепость — «Орешек». Она оказалась не по зубам фашистскому командование! Двести метров, отделявших крепость от города, немцы так и не удалось преодолеть. Стоял храмик моряка этого прятаный кусочек нашей родины.

Кто бывал на очевой позиции, тот, вероятно, слышал эти команды:

— Правее — воль-девлат!

Или:

— Левее — воль-виль-пять. Прицел большие десант! Отойди!

Командир требует: перенесите огонь на столько-то делений вправо — и наводчик прибывает эти деления к установкам на панораме; перенесите огонь влево — и наводчик вычитает эти деления с установок на панораме.

Новобранский математик Федя Щёточко! С какой быстротой хватал он эти четырехзначные цифры, как на лету, мгновенно разделялся с арифметикой, и не успевал ей я записать в командирской книжке позднюю команду, а он уж и сложит, и выйдет, и выставят на школе панорамы то, что ещё в детстве умели нас называть суммой, остатком или разностью.

Метрах в трёхстах от орудия стояло обальное кудрявое дерево, такое, как сотни других. Но в нём гнёзда для нас особый смысл, особое значение, и никто из нас никогда не называл его деревом, а звали всегда «точкой», не просто точкой, а «точкой народов».

Это величайшая точка. Стоит увидеть её в перекрестье панорамы — и орудие будет смотреть точно в цель. Каждый наводчик всегда знает ей в панораме, ищет реальность, удивляется, а также, как Федя Щёточко... — мгновенно.

Ночью шестой номер — боеп Строчалики — чинно поднимался по лестнице в фонарям, и на «точку» аскрипывал огонёк. Маленький, рабочий огонёк. Попробуйте наигнать его сквозь стёкла панорамы в бесконечное море тьмы. Но вот Федя Щёточко едва заметным движением берёт рюкзак макарина: одни поклон, второй... полупоклон, секунда — и едва мешающий мячок, выскочивший из этого моря тьмы, указывает спаршу его путь.

Любят расчёт Федя Щёточко, гордятся его уменьем. Все номера растят и оттягивают мастерство наездника. Второй номер — Степан Берестов — измазал, близко, рукой — и массивный орудийный затвор, сдернутый вправо, даёт взрывное дыхание: несколько тысяч килограммов, почтас открывается. Третий номер — стольник Юзик Куперман — хватает «шаманский» спираль и торопливо, словно боясь обжечься, щырьт его в жарло орудия. Шестой номер — боеп Строчалики — непрерывно подносит на своих Богатырских плечах снарядные ящики.

Остальные раскрывают их и чистыми тряпочками обтирают холодную сталь, чтобы легче скользить в стволе бодрого гостинца для немуров.

В часы затишья все номера с нежной заботливостью воинствуют у орудия, чистили, смазывали его или же собирали на лапах на длинный бинк и до блеска драли орудийный ствол. Зато пушка всегда выглядела чистотой и свежестью, каждый маковик был послушен малейшему прикосновению руки.

Целыми сутками думали мы на позиции. Рядом с нами сидел мрачный сапист Варфоломей. Он не отмывал телефонной трубки от сукени и изредка слышалась его бас:

— Гора, Гора... Я — Винция. Ты слышишь меня, Горя?

«Гора» всегда должна слышать «Винцию». «Гора» — командный пункт капитана Семушкина, она часто требует: «Отойди»

...Чтобы в длинные осенние ночи легче было коротать напряжённые часы ожидания, мы соорудили под лапами-платформой маленький пе-чурик и, рассевшись вокруг огурька, часто мечтали искуш. Степан Берестов рассказал о родной своей деревне близ станицы Мурави. Какие богатые края, и чего там только нет! Просто чудеса! Кончились войны — все поедем в гости на станцию Мурави.

Весёлые попрошайки дрова в печурку, уютно под лапами-платформой. Тако кругом. И вдруг в ташину врывается бац Варфоломеев:

— Винция слушает... По местам!

Теперь счёт времени переключается на секунды: цель мгновенно появлялась и мгновенно может исчезнуть.

— По места-ам! — подхватывал я.

И мгновенно пустята падала, и вот уже, сотрясая всем своим тучным телом, ревут орудия.

— Огонь!

Словно чёрные молнии пронесются фигуры бойцов. Шестые номера едва успевают подносить снарядные ящики. Гудят земля, пот льёт градом, жарко...

Изредка к нам на позицию проезжал капитан Семушкин, и едва не слезли с лошади, гроздо спрашивал:

— Ну, как тига? Ты моя за тига смотри. Я, брат, за неё душу выброшу.

Наш полк был на конной тяге. Лошадь было много, сильных, сильных. Но упрямки именно нашей батареи славились во всём полку. Что это были за красавцы! Блеском лоснились

их холмовые спины, огненным паром дышали ноздри.

Особую симпатию питал я к упражке, колорада ворде Горлова. Это была гиена шестёрка. Шесть львов в дымле передка заграждала пара мощных коричневых коней: «Король» и «Мамонт». «Мамонт» стоил «Короля», «Король» — «Мамонта». Они были, так сказать, фундаментом упражки. За ними шли два мирина, образующие средний унос, потом — два быстрых лёгких коня переднего уноса.

Справиться с такой шестёркой не так уж легко. У каждой лошади — силы, у каждой сильные ноги, свои капризы. Но стоило ездовому корин, возглавляемому ездовых двух друг друга, уносов, есть с зада и азот в руки подвёл, как построим плавно натягивающиеся и двуствольное орудие, словно миник, каталось по дороге. Точно, в такт поднимались и опускались гибкие ноги коней, весело звенели подковы.

...Однажды наши разведчики обнаружили на переднем крае крупное, хорошо укреплённое пражское логовище. Капитан Семушкин решил разбить его прямой наездкой.

Огонь прямой наездной ведут с открытой позиции. Расстояния до противника сокращаются с нескольких километров до шестисот — се-мисот метров. Орудия выкатываются на открытое место, часто под обстрелом противника, и вступают в единоборство. Находину же нужно искать точку народов: он явно видит цель. Теперь доли секунды решают вопрос жизни и успеха. Или ты сразу смытёшьрага и уйдёшь непредвидим или брат наскрот заменяешься расстрёлом.

Посоветовавшись с капитаном, мы решили доехать вперед горловцам. И лишь тогда смог я в полной мере оценить шестёрку львов. Словно вихрь, выскоцили они на передний край.

Но успели ездовные осадить разгорячённых коней, как батарейные сапиши орудия с передка и шестёрки на прохладном алтаре умчались в укрытие. И вот уж развязнутое орудие... Чёрные комы земли, избиваемые, дистанции горизонт. Не стих еще грохот разрывов, а шестёрка, подхватив орудие, мчит его назад. И нет уже ни открытой позиции, ни орудия, ни коней.

Медленно оседает пыль над истерзанным логовищем врага. На него дохнуло смертью сердце артиллерии — пушка.

Там, где гремели бои

Разрушенный Швансельбургский гебор, на котором с первого до последнего дня осады гордо развевалась красная знамя. Пряжевые спираль разбили корпус, где сидел народоводцы — Нера Фингер, Морозин, Алембергер. Место, где был казнён брат Владимира Ильинича — Александрийский — покорило воришки, заняло и обнесло руинами замка.

Здесь насмерть стояли морские артиллеристы, произвившие чудеса храбрости и геройства. Здесь не прошёл враг.

тайна булата

Рассказ о жизни, работе и необыкновенных приключениях русского инженера Аносова

ЕВГ. ФЁДОРОВ

Златоустовские клиники

Указом императора Александра I Златоустовские горные промыслы в 1811 году переведены на выделку сабель для отечественной конницы. Правителем заводов в то время был Татаринов — грунтовый хризантемный старик. Он состоял из семи мастеров, из которых пять были стали. Известно, что на клиники потребны были твёрдые и упругие. Но сколько ни бились старик-клинические, сталь выходила ломкая, неподатливая. Сабельные клиники из такой стали получались недёшевыми.

В ту пору добрыми «клиниками» назывались старинные немецкие города: Клингенштадт, Страсбург и Земмериг, а русское правительство решило привлечь немецких мастеров в Златоуст.

Всё себя они очень осторожные. До пластилиникою на русских не допускали. По секретному рецепту, они плавили твёрдые и упругие стали.

В июле 1812 года Наполеон с полуторамиллионной армией переправился через Неман и вторгся в Россию. Началась великая Отечественная война.

Русской коннице понадобились тысячи добрых клиников, сабель, шпаг и казачьих шашек. День и ночь работали Златоустовские заводы. Работали под огнем, под дымом, с горячими ваннами в бане. Немецкие мастера удивлялись: Как это так? Жалуют рабочие в кабаки, ходят полице и обормотами, правитель Татаринов ждет чрезмерно, а они добросовестно стараются! Одни любматый клинингенец не утерпел и спросил горючего:

— Ва, руски, страни народ, француз боитесь, оттого так работай?

Горючий, бородатый керхак, изумленно поклонялся им:

— Понто же бояться краинуз? Наполеона нам не надо. У нас союз гостеп дахут сидит на

щее до беса. А отечество своё защищать до последнего бута.

Немец покачал плечами:

— Но вы живёте плохо?

— Хочу плохо, а отчина. Придёт время — и мы заживём.

Под густыми бровями глаза керхака вспыхнули рассеянным углем. Клинингенец смущился, он вспомнил рассказы про Пугачёва. Здесь ещё совсем недавно рабочие расправлялись со своими господами. «Кто его знает, этот народ?» — со страхом подумал немец, проглатывая разговор.

С далёкого Урала по рекам плыли караианы, груженные златоустовским литьём: пушками, ярмами, калашами, и в самой горде окрепла обоза. Урал вооружил русскую армию.

Мечта инженера

В 1820 году начальником Златоустовского завода назначен тогдашний инженер полковника Аносова. Приехал он к месту службы без пышности, по пароходом от солнца мурзик. Инженер прошоропо высоконизу кличу — стала не ондерзала: передолзлась.

— Орёл! — определили рабочие. — Поглядим, как в работе будет.

Прямо с дороги Аносов прошёл в мастерские, где мастера прятком свете обложили клинки. Он молча кивнул им и, взял из рук у одного из них клинок, долго рассматривал. Инженер неожиданно выпустил клинок — стала не ондерзала: вероломство.

— А лучшую сталь могут здесь лить? — спросил полковник.

Мастер обожжено разబрал руками:

— Где уж нам! Были бы хоть такая.

— Это не сталь — горе. Кто на вас старожил? Старик сурою сдушил брови:

— Я роблю тут сорок годов, а есть которые и поболе. Как варить сталь, никто толком не знает. Тут всем ворочают кемши, а казать — никому некажут.

Боязно на голове мастера прижало ремешком: на еруде фартук. Аносов энергично шагнул вперед и взял старика за руку:

— А что, если самим варить сталь?

— Попробуй! — ироническое лицо старика освещалось скудной улыбкой.

— Попробуем, и ты поможешь.

Мастер засосал, произмыкал. Трудно было понять: что ли согласен он, то ли злъ стал?

Инженер Аносов засел в литечной. Вздохи со стариком они ходили по амбарам, составляли

шмесь и пахали. Однако сталь выходила бледная и хрупкая. Старик скрупульно качал головой:

— Ничего у нас не получается.

— Попробуем ещё. Не может того быть, чтобы немцы лучше нас сталь варили!

— Не может, — охотно соглашался литечник.

Портижелый мундир начальника прогнил во многих местах, руки его поплухали. Глядя на упрямца, старик складывал:

— Наша смекста, на тебя гляди, а ты не видишь. Наши народ такой — смехота, а сами радости ждут; вот прездобыши! Не немцы! Клиниченталы не на шутку исполнени; со завода они ходили табуном и о том-то спорят.

Между тем победило терпение. Старий литечник и полковник Аносов открыли секрет — сварили добрую сталь. Из этой стали мастера сделали клиники и опробовали их. Они не сломались перед немцами.

— Ну здесе! — вошёл в небу рука старий мастер-клиничентал, который таил секрет литечника.

— Вы угадали: с сегодняшнего дня вы спасёте, — не смущаясь, предупредил землемер Аносов.

Разоблаченные немцы долго не хотели уезжать с завода, чего-то вымывали. Наконец принц распорядился об использовании их на других заводах.

С тех пор на Златоустовском начали варить сталь русские мастера. Слодручин Аносов, старик Шевцов, подумывал сыновей этому кусту.

Толедский литой булат

В 1831 году из заводов приехали офицеры казачьей армии. Шумная офицерская компания разместилась в пустынных горных управлении ского дяди Земли. Там же, в деревне, открыли пивоварню. Столы избы забыли зелёные доски. С Копориной обивали проклахи. В горах охотились за козлами браконьеры. Продлевающие дальнюю путь офицеры скучали — по вечерам бражинчили и засыпались за дамами.

Полковник был с гостями отменно вежлив, но холоден. Недовольный их равнодушным к златоустовскому литью, он спросил:

— Не помните, отчего не по душе наша сталь. Пожалуйте, — Аносов выпул из кармана стальную пластинку синеватого отлива, донюхнул на неё, и сталь запотела.

В ответ на это офицер-казаковец выпул из ножа клинок и протянул полковнику. Аносов замер от восхищения: на клинке темнела пласть волка — клеймо толедских литьёных булатов.

Руки инженера задрожали. От не мог оторвать глаз от клинка, на котором струился синеватый узор. Старик раскрыл рот, чтобы что-то сказать. Аносов всхлипал в узуре отчуждения и что-то сказывал этот литьёный булат, из каких глубин Азии он?

Офицер взял из рук Аносова клинок и замахнулся. В узле полковника прошёл ветер. Сталь блеснула синеватым огнём.

— Жалеаете, я покажу вам, что делает этот булат?

Не дожидалась ответа, он выпул из дорожного газового платок, от которого пахнуло

точайший духами. Он с минуту колебался; нежный запах, видимо, напомнил ему далекое и любимое. Тряхнув головой, он подбросил платок и протянул булатный ткань купальщикам, чтобы коснуться щеки и застыдиться наяву.

На лбу Аносова выступили пот. Озаривший, он смотрел на клинов. Офицер улыбнулся и полонил к стече. В ней торчал толстый гвоздь. Не успел Аносов оторвать его, как вспыхнула и оторвавшийся кусок гвоздя, изувеченный, показался под ступней.

— Видите? — офицер бежожно вложил клинов в поясницу.

Аносов понял, каким образом ободала гость с дядей Касымом.

В эту ночь он не мог уснуть. Неха в постели и гляди на теснотное ночное небо, он вспоминал, как струился и играл синеватый узорами таинственный клинов. Светящийся бодной глубины звёзды казались блестками этого чудесного салаза.

Целую неделю молчаливый подковник бродил по горам. Старик Шешка, глядя на его крепкую фигуру, говорил:

— Где выходят? Ишь ты, бывало залед ету будат!

Рано матку стеря.

Подкова сухая и теплая осень. Дали стали прозрачными, на озёрах шумели последние гусиные стайки.

Однажды к Аносову приехали верхами до башкиров. Он закрылся с ними в горенке и долго горячо спорил. К вечеру все трое оседали коней, и Аносов уехал с башкирами.

Рассказ о бая

Инженер Аносов, обрежанный в грязный киргизский халат, вместе с башкирами разъезжал по кочевьям.

Прошли первые осенние дожди, вновь заселела трава, гуленё-ветер гнал вдоль стены бызжини перекаты-поде. В дикой степи не было изъезженных дорог, но пути шире всегда.

У сюзера Сабакиева пущики встретили ингиты бая. Остереглись они стерегли байские юрты и добро. В конце концов пущики поклонились добрум баям. В байском становище стояло семь курт, в шести из них жило из жены. Бай прошел семидесят пять лет, редкая бородка покрывала щеки седыми, но глаза его были полны молодого блеска. Он царственным сидел на подушках и гостеприимно принял путников. Башкиры подвели ему о неправдолюбивых богатырях Аносова. Бай недоверчиво разглядывал засаленный халат гостя. Инженер сидел гордо, осанти, и по его одному взору киргиз понял, что гость его необычен.

За журным плечом хозяина показал гостям булатный клинов. Как и в толедском клинке, от него струяла тот же синеватый блеск. Аносов

мысленно представил, сколько людей держало это валик и сколько горячей крови проплыло в своей армии из тех синеватых узоров.

Словно угадав его мысли, бай взял из рук Аносова клинов, бережно провёл по рукояти пальцами и сказал:

— Клинов этот сделал арабский мастер Абуремзия; он затято полил кровью. Дед закоул из двух деревенских ёкён; обычай викингов говорит: кто озорит постель музы, тому смерть. Клинов этот передходит от поколения в поколение, и каждое из них обогащает его кровью.

Башкиры почтительно молчали. Хозяин рассказал повесть о клинке;

— Оплачил клинов булатом скажуши, и словно азакшы! — сказал он, подняв щупот от хозяина из земли, стоял гольдзар, и табуны его полегли в степи, не добыв коры.

Аносов изумился синеватому блеску булаты.

Он и верил и не верил рассказу бая. Башкиры обсыпали пальцы, с толстых губ их стекало сало.

За кумышем башкиры предложили хозяину прорвать булатный клинов.

Бай теребил редкую и жёсткую бородку, поспалмы.

Аносов внимательно смотрел ему в глаза. После долгого раздумья хозяин подал голову.

— Теперь такие булаты не делают, и ты беден, чтобы купить его.

Башкиры переглянулись, встали. За юртой залпы ямы; ветер издалёка принёс унылую степную песню.

...Теперь Аносов вспомнил в путь один. Он ехал общийской, необширной степью. На пути не было ни становищ, ни кочей, морозкими волнами шелестел козырь, да в небе кружили орлы.

На седьмой день Аносов встретил на пути степное озеро. На берегу темнела юрта, из неё выпал старик; он был дреен — безузлы, с сетью тощих морщин на лице. Чем он питался в пустыне, так и не дознался Аносов.

Он рассказал старику про бык из юхи Сабаку и про булат. Старик заморгал глазами и ухмыльнулся:

— Ты ехал шесть дней, но тут к булату некоему далился из восток. Я знаю, как зовут касынину дорогу, и она, быть может, приведёт

тебя туда, где делают булат. В старину и здесь имелись мастера, да переместились...

Сонце было лёгок на ходу; он пытался прутами из пропитанного гаранами дорогу. Аносов нагнал торговых караванов и упросил взять его. Турманы в барабанах шапках раскачивались на высоких верблюдах; они подозвали огороженного Аносова, но пытались не обещанную награду. Он остался с караваном. Днём было жарко; путники некий яйца привезли в пехе. Ночи были душны, нестерпимо мучили москиты.

В старой Бухаре

Много дней шёл караван жадных забывчивых пасекан и наконец добрался до Бухары. Аносов честно рассказался с караванщиками, они долго сплюхивали слюну и щедро слали поклонения.

В Бухаре Аносов нашел большой оружейный базар. На скрипах, в темноте жадных избесов, о молчаливом созерцании сияли торговцы с раскрашенными бородами. Поблескало драгоценное оружие. Рядом в мастерской молодые сапожники гладили колющи мечи. В толпе, в пыли, толкались воинственного вида всадники.

На дальнем минарете прокричал музалик. Кругом стояли шум, говор, звон. Как пьяный ходил Аносов по шумному базару: «Вот где можно узнать секрет, как делают булаты!»

В прохладной тени лавочонок скрывались блеском оптических приборов. Аносов выбрал самую старую и самого похитительного горожана и подорвал его погону булатом.

Торговец вспыхнул перед лицом драгоценной коллекцией клинов. Среди них были прямые и тонкие, как кость под ветром, в них упругость и пластичность сказывалась тонким мастерством; здесь были и очевидные клиники, как пальмы — они издавались синеватым блеском, будто лежали и широкие кривые мечи, похожие на месяц в новолуние.

«Несомненно, это настоящие булаты», — решил Аносов и выломал перед старым купцом золотые червонцы.

— Я отдаю тебе всё это богатство, если изучишь меня отливать эти булаты.

Старик разодумалось посмотрел на золото и спросил:

— Я ляжу, голодан, ты прибыл из богатых стран и извонишь толк в булате. Умы — в голове торсона зазумела печаль. Ты видишь здесь большой оружейный базар, но злесь только умеют точить языки и чинить старые оружие.

— Но откуда ты привёз эти сокровища? — Аносов указал на булаты.

Старый торговец улыбнулся:

— Это из Сирии. Добрый зодчак, ты хочешь знать то, что давно утеряно. Ни иши его злесь. Поехал в Дамаск, только там еще осталась наследная магия.

Вечером Аносов и старик сидели в чайхане. Они пили кипятый горячий чай, в плошках горели тусклые огни. Старик почул никемера:

— Люди очень стали пахи на золото, но помни: настоящим мастерство не купишь: оно даётся любовью.

Разгаданная тайна

Аносов отправился в Дамаск. В горах Афганистана на него напали пастухи, исхинные как племена дланни, руки убийцы. Но иши его злесь. Он убил всех них горячий и беззабойный, как перекись. Несколько дней его находила на толедский булат, тайну которого он отыскался.

Переводы Пушкина

Стихи о гневе

Вотще надмнёные на родину легели;
Вотще, идиры знамён бесчисленных дружин
В могущей злости величаний исполни
На гибель грозно шёл, вълк цепи за собою;
Меч отгнанный блеснул по дымамо Москвой!
Звезды губителья потухла в вечной мгле;
И пламенний венец померкли на челе!
Сдрогся счастье сми и, брошенный
судбою,
Он землю русскую не взидал под собою,
Безжит...

И мести гром слетел ему во след...

«К Александру»

Под сожжённой солнцем смоковницей лежал одинокий путник.

Аносос шёл пешком, как нищий, все дальше и дальше; он пересёк горные хребты, пустыни, бесплодные пустыни, зелёные оазисы, оканчивающие восточные горы. Никто не умел бы в ней офицера русской армии, начальника знамениного Златогуловского завода.

Прошло два года скиантин по восточным странам; в один из дней перед Анососом открылся город Дамаск. Город уединённый и засада садов над которыми пестрели цветущие лианы-лантуши изразцовыми куполами мечетей и храмов. Небо простиировалось голубое, бездонное. Но дороге проходящей среди беззмяненных скал, или толпы замыщённых людей; на чистокровных скакунах ехали высокомерные пытками вида арабы; кричали ослы, высокомерные пытками погонщиков; медленно ржавчивались, как картины, верблюды.

Но вдруг вспомнилось смоковнице лежащей одиночный путник и тако стояла. Серый ослик, загруженный первоисточными суками, стоял возле неё, умылся покурив голову.

Старик был болен и не мог ехать на осле. Аносос недолго думая, взял старика на плечи и понёс к Дамаску.

Это была неслыханная ноша, но не сдавалась. Аносос не подозревал, что сегодня, как известно, он близок к цели.

Аносос притянул старика к лампу и уложил на жёлткое ложе. Из-за соседней двери выглянула девушка. Тогда же Аносос лицо отстегнув чёрными кудрями, как юбка в темноте ночь снялась с её глаз. Она взглянула и, увидев чужеземца, испуганно скрылась.

Старик покаял Анососу руку:

— Я не знаю, кто ты. Но куда ты побудешь в ночь, когда здесь будет тебе приют и пища? Аносос присел к ложу большого и рассказал о своих поисках. Старик внимательно слушал, и чем больше он слушал, тем больше загорались его глаза.

— Так, верно, послал мне небом, чужеземец! У меня нет подмастерья — я научу тебя делать литые будлы.

Старик был последний знаменитый мастер дамасских литьих будл. Аносос слушал старика и не верил своим ушам. Неужели бывает такое наивное, и в арабской сказке! А старик продолжал:

— Старое мастерство умирает, ты видишь мало белую хижину и что стало со мною.

В убогой комнате по стелам было размещено драгоценное оружие. Указывая на него, старик сказал с гордостью:

— Это клиники и дочи — последнее моде богатство. Путники приносят у меня — и ты познаешь мудрость старшего мастера.

Так Аносос остался в Дамаске...

В крохотной мастерской работали хозяин и усталий, с разномудрыми, закоптленными лицами подмастерье. Они должны часами разномерно били

тяжёлыми молотками по пучку железной проволоки. Оказывается, арабы самую трудную работу делали «холодным» способом, без нагара на огне. Так, вручную, примитивно, ковалась «джахаэр» — знаменитая золотистая дамасская сталь.

Аносос постепенно, изо дня в день, входил в тайны древнего искусства. Оно требовало большого терпения, ибо мастерство было необычайно. Каждая работа подсмотреть можно, но научиться делать дамасские будлы. Он в совершенстве знал все секреты старого дамасского мастера.

Прошло пять лет с того времени, как Аносос покинул Златогула, и ему давно было пора возвращаться в Россию.

Старый Гусейн полюбил Анососа и как знак величайшего доверия предложил:

— Я отдаю тебе мастерскую, а моя дочь пойдёт к тебе в жёны.

Вечерами на плоскую крышу хижины выходила дочь хозяина. Она казалась героиней из сказок старого бухарского оружейника. Гляди на девушку, Аносос вздыхал и думал о родине.

— Скорей, скорей в Россию! — здадумнувшись.

На родине его давно ждали погибшим, но он неожиданно явился в Златогула и снова стал на-чальником завода.

Аносос вызвал старика Шемахова, заставил его поклониться перед образом и открыл ему тайну дамасского будла.

...Наступил 1840 год. Стала анососовых будлатьев известна по всей русской армии. Во всем мире не было лучшех будл, клиников, шапек, тесаков, мечей, алатутище-

В долгие зимние вечера, уже стариком, Аносос, разглядывая иногда свою коллекцию старинных будл, воспоминал Дамаск, мастера Гусейна и его дочь.

Это было далеко позади. Там, в далёком Дамаске, умрело и забылось замечательное мастерство. Оно нашло себе вторую родину — на сурском Урале.

Иль русский от побед отыш?
Иль мало нас? Иль от Пории до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной
Колхида.

От потрясённого Кремля
До степей подножного Китая,
Стальной щетинко спиреки,
Не встанет русская земля?
Ты высмыслишь нам витии,
Своих озлобленных сынов?
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им пробов.

«Клеветникам России»

Страшись, о рать иноплеменных.
России двинулись сыны;
Восстал я стар, и мал, лястят на дерзновен-
ных,

Сордца их мицлены зажмыса.
Вострецши, тиран! Уж близок час паденья!

Ты в каждом фонтане узришь богатыри,
Их цель иль побудить, иль пасть в пылу
сраженья...

«Воспоминания в Царском селе»

Цена 1 руб.

Суворовская «Наука побеждать»

Н. ЖДАНОВ

Александр Суворов — один из самых дорогих для русского народа имен. Оно живой символ нашей воинской славы, мужества и боевого духа русского народа.

Небольшая книга о суворовской «Науке побеждать» — это не просто историческая «Филология «правды»» для молодых командиров Красной Армии, является корюком в поленном издании. Книга издана на хорошей бумаге, с интересными рисунками схемами, картами. Ее приятно поглядывать в руки, особенно иметь как спарчники и руковоюст. Выход такого издания в одиннадцатый год войны дает поэтическую ценность.

Главное в книге — живой показ на конкретных, исторических примерах основных принципов суворовской «Науки побеждать».

Суворов родился более двухсот лет тому назад, многие его величайшие заслуги были сделаны еще в эпоху столетия, а между тем он так блокс и дорог нашим военным, как если бы он был нашим современником. Вряд ли во всей мировой военной истории сидел еще один полководец, чьи военные принципы стоят как валихи в Сибири на северо-западе Европы. Это объясняется прежде всего тем, что никто другой, как Суворов, не знал с такой непосредственностью, глубиной, тоносностью скромной и великой душу русского солдата. Никто в такой степени, как он, не был связан с ним всем своей судьбой — боевым, военным, народного подвига.

Этот человек, умевший «проверять счастье величайших для своего времени бит, обладал простой душой солдата и сам был прежде всего солдат.

Одни из самых образованных людей своего времени, которых разношерстной культуры и высоких духовных интересов, человек, стоящий на две головы выше современного ему в умных науках — Альбрехта Савона Ромуса и Франциска Альбрехта Гольца, во всем и прежде всего солдат, он воспитывал себя для полков и подчинял своим воззрениям славу всего русского оружия.

Пятидесяти лет от роду Суворов поступил на службу в лейб-гвардии Семёновский полк. Он твердо решил стать закаленным и умелым солдатом и в этом вопреки служить своей родине.

Он прорыз тщедушного и хлико склонения, он сам создал себе здоровье; он изрочно приучал себя переносить лишения; на всю жизнь с детства он сохранил привычку обра-

ваться холодной водой, тренировать свой тело; он был простор, здоровую интуицию, наше, покрытые плащом.

Солдаты с первых шагов Суворова увидели в нем своего человека и изменили свое отношение к нему. Когда в воспоминаниях Суворова спрашивали, чем объяснить его огромное влияние на войска, он отвечал: «Любви солдата — он любить будет тебя. В этом вся тайна».

Знание русского солдата помогло Суворову осуществить походы и сражения, удивлявшие весь мир и до сих пор вызывающие уважительное наслаждение.

Человек — главная сила на войне. Из этого положения прежде всего исходила Суворова.

В отношении своей армии эта озина задача требует от генерального штаба подготовки каждого бойца. Но относительно к солдатам противника было также необходимо учесть и здесь: главная цель в бою, которая имеет более важное значение, чем захват территории и осада крепостей.

Как и при каких обстоятельствах лучше всего действовать, чтобы победить врага? На этот вопрос Суворов никогда не отвечал однозначно. За время своих многочисленных походов он передко изумлял противника тем, что применял совершенно

знания высоких достоинств русского человека.

Еще в первом сражении, в котором участвовал Суворов, во время Семилетней войны с Пруссией, он был

сражения, насчитывала всего 7 тысяч человек. Суворовские принципы: из-так, быстрая и внезапность — решили исход этого сражения.

Исход из этого, что главной силой в бою на поле боя, Суворов уединил отдельную группу солдат. Особенно ярко проявилось это в осаде Имзили. Эта турецкая крепость считалась неприступной: она была обнесена мощным валом длиной в 7 километров и высотой в 9 метров; перед валом был прорыт огромный ров, глубина которого доходила до 14 метров и глубина до 12; 7 тысячами бастионов защищала эту оборонительную линию; подступы к крепости защищали 200 орудий, а в ней самой находился гарнизон в 35 тысячи человек.

Суворов взял эту крепость штурмом в один день, расположив лишь 3100 солдат. Это удалось достигнуть потому, что крепость имела дыру, что окладил ее в бою, и был подготовлен для того, чтобы выплыть самой майор. Суворов продумал каждую деталь штурма,

специалистом того, как русские армии разбили пруссов. Он был исполнен убеждения, что русские армии не должны находиться в зависимости от прусских и иных тактических приемов. Практика убеждала его в том, что русский солдат превосходит в своем качествах всех других солдат Европы.

Лучшей армии того времени считалась армия французов — Суворов в целом разные сражения сумел добиться победы над французы. Самыми совершенными боевыми артиллерией, пехотой, кавалерией, винтовкой армии — Суворов в практике ряда боя показал несомненную превосходство прусского военного стиля и продемонстрировал значительно большими военными выигрышами новых боевых порядков, им соединенных. Замечательными качествами обладала та же польская кавалерия, — но Суворов не знал как использовать ее. Следует заметить, что винтовка, удар которой легче всего приводит к победе. В боях под Ланскороне 10 мая 1771 года Суворов атаковал укрепленные позиции врага при помощи чугуновых казаков. Он был уверен в стремительности, выносливости и упорстве казаков, что именно эти качества могут привести к победе над значительной превосходящими силами польской конницы и пехоты. Суворов отнюдь не давал себе отчет в том, что обладал большой винтовкой и легко переходил от горячей удара к паническому настроению, поскольку не смог удержать свою стойкого напатка чугунных казаков. Он не ошибся в этом: внезапная атака привела казаков к победе.

Изучение не только материальных, но и моральных качеств противника предопределено успехом суворовских сражений.

Воин, побежден особо, отдает дань суворовской чистоте. Стремление отдать самим себе — мертв — не раз заставляло Суворов. И в него это относилось, когда не выразимо кинчности в самомнении. Нет, личная скромность всегда укрывала это благородного воина. Но он всегда говорил: «На сей нальчаке — основа храбрости». Важнейшим виновным качеством самим же характером первых боев Суворова. История войн заставляет не минимум примеров, когда какой-либо армии приходилось наголову разбить противника, превосходящего ее численностью в четыре раза. В знаменитой битве при Каннах суворовская армия, состоявшая из 60 тысяч пехоты, 100 тысяч всадников и 100-тысячной турецкой армии, расположившей 25 тысячами войска, при этом грушевидно, решившая фактический исход

предусмотрел действие каждого солдата. Он построил специальный макет крепости и тренировал солдат, обучил их приемам превентивной, а также наступательной войны и стоял впереди артиллерии и пехоты. Тяжелая артиллерия, тяжелая пехота, пехота и упорство русских солдат, преодолевших труднейшие препятствия и с честью вышедших из них, казались, безжалостных положений. Этот беспримерный поход в горах Суворов прошел, когда ему было 70 лет от роду. Закаленный в боях армии полководец заставил весь мир с изумлением заговорить о русском воине.

Книга о суворовском искусстве воевать на блестящих примерах боевой практики Суворова показывает значение простых и острых, как штык, военных принципов великого русского полковода. Она будет приводить в движение читателя.

И как Суворов призвана учиться у горячих драматических сцен, сейчас мы можем сказать каждому молодому командиру Красной Армии: «Возьми себе в образец Суворова, учись у него мастерству и умению, люби народу — и ты будешь побеждать».

неожиданные приемы, не принятые в тогдашней практике. Но ясно раз, когда Суворов принимал решение, он опирался на глубокий опыт и уверенность в том, что предстоит. И это было правильным решением. Так, никто до Суворова не предлагал к помощи конницы для атаки укрепленных непротивоборских позиций, а Суворов в знаменитом римпикском сражении с турками с успехом применил такую атаку. Она и решила исход боя.

Этот же сама сильная сторона суворовского гения состояла в воинской умении находить такое неожиданное решение воинской задачи, что противник оказывался неспособен разгадать его и вынужден был даться, как елань против арчича.

Суворовские военные принципы, сформулированные им самим в его «Науке побеждать», вошли в военную литературу как наследие и поговорками.

Характерной чертой Суворова-полководца является национальная гордость, основавшая на глубоком осо-

бщественный редактор — Д. В. ПОСТНИКОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24 Тел. Д 3-34-24.

A1156. Подписано к печати 12/IV-43 г. Изд. № 284. Формат 72×110 см. 2 п. л. 8н. в. п. л. 98 000. Вак. 651. Тираж 30 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.